

ПАРФЕНОН В «ПАРФЕНОНЕ»

(К истории культа Афины Девы)

Акад. С. А. Жебелев

Казалось бы, на вопрос, откуда ведет свое происхождение название афинского Парфенона, этого, по словам Н. Я. Марра, «шедевра неповторенных художественных достижений давно погасшего мира»¹, ответ напрашивается сам собой: Парфенон назывался так потому, что он был посвящен культу Афины Девы (Παρθένος), что в нем стояла хрисозлефантинная статуя этого божества работы Фидия. Как ни естествен, прост и пользуется общим распространением этот ответ, трудно было бы подкрепить его ссылкой на свидетельства самой древности. Овербек в своих «Schriftquellen» собрал под рубрикою «Athene Parthenos» более 30 литературных свидетельств о статуе Фидия, и лишь одно из них (№ 646), находящееся в сколиях к речи Демосфена против Андротиона, могло быть приведено в пользу общепринятого мнения. Вот это свидетельство схолиаста: «На акрополе был храм Афины Девы, Парфенон, заключающий в себе исполненную Фидием статую богини... и называлась эта статуя статуей Афины Девы». Это толкование принадлежит, надо полагать, самому схолиасту, и выведено оно из того места речи Демосфена, к которому придется еще вернуться. Пока же заметим, что эпитет Παρθένος прилагается к Афине очень редко и встречается исключительно в текстах метрических, и притом поздних². В афинских посвячительных надписях Παρθένος в качестве эпитета Афины засвидетельствовано в метрической надписи 70-х годов V в. (L o e w u—Inscr. gr. Bildhauer, 40); посвячитель ее был, однако, не природный афинянин, а чужеземец (ср. K i r s c h h o f f—Hermes, V, 55; цитирую по указанию Леви). Зато в трех афинских до-эвклидовских посвячительных надписях, также метрических (IG, 1² 530=Michel, Rec. 1577. 555. 650), упоминается просто Παρθένος. Хотя Афина здесь и не названа, но, очевидно, имеется в виду она; при этом вместо обычного Παρθένος стоит форма Φαρθένος—очевидно, народное произношение. Надо полагать, и Παρθένος было старинное народное прозвище Афины, присвоенное впоследствии и хрисозлефантинной статуе Фидия³. Последняя на официальном языке именуется, однако, либо τὸ ἀγάλμα μέγα, либо τὸ ἀγάλμα χρυσοῦν⁴. Официальным прозвищем Афины, постоянно

¹ О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье. Изв. ГАИМК, вып. 89, 1934, стр. 45.

² Указания у В r u c h m a n—Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur (Supplement к лексикону Рошера), Leipz., 1893, 13.

³ P r e l l e r—R o b e r t—Griech. Mythologie, I, 197.

⁴ M i c h a e l i s—Der Parthenon, 25^{7b}. Павсаний (V, 11, 10; X, 34, 8) осторожно выражается: так называемая афинянами статуя Девы.

встречающимся в афинских документах, было Πολιάς; оно отражало главную функцию Афины как богини покровительницы и заступницы сначала акрополя, а затем и всего города, и пред этой функцией отступала на задний план девиственность богини. Поэтому и главный храм Афины на официальном языке не мог называться, да и не назывался, как увидим ниже, Парфеноном¹.

Не то опять-таки было в обиходе. Когда Демосфен (XXII, 13, 76; XXIV, 184) упоминает Парфенон в связи с Пропилеями, афинскими портиками и верфями, он, несомненно, имеет в виду весь храм во всей совокупности составлявших его частей и делает это потому, что его слушатели понимали Парфенон в этом широком смысле и так храм и называли. Так же поступали и другие писатели². Однако, тут есть и исключения. Современник Демосфена, оратор Ликург, предпочитает пользоваться для обозначения Парфенона названием *Ἐκατόρπυλον* (Fragm. 58 Blass). Павсаний (1, 24, 5), приступая к описанию достопримечательностей Парфенона, выражается осторожно: «При входе в храм, который (афиняне) называют Парфеноном» (ср. VIII, 41, 9: «так называемый Парфенон»; то же выражение *ὁ καλούμενος Παρθενών* в отрывках из «Политий» псевдо-Дикеарха 1, 1). Из этих сопоставлений мы, кажется, в праве заключать, что название Парфенон для обозначения всего храма, состоявшего, как увидим сейчас, из двух основных частей, бытовало в Афинах, но не было его официальным именем. Но это бытовое название укоренилось настолько прочно, что оно вытеснило официальное наименование. Примеров подобного рода вытеснения официального названия бытовым можно было бы привести достаточно и из других областей религиозно-культурной жизни. Ограничусь наиболее для нас знакомым и близким. Мы все и говорили и говорим «Василий Блаженный», забывая, что официальное название храма—Покровский собор и что в этом соборе лишь один придел был связан с именем Василия Блаженного. Точно так же в Парфеноне в широком смысле был Парфенон в узком смысле, и составлял он лишь часть всего здания. Так как в дальнейшем часто придется говорить об обоих Парфенонах, т. е. обо всем храме и об его части, то условимся отличать первый от второй тем, что при упоминании первого будем ставить Парфенон в кавычках, при упоминании второго будем называть его просто Парфенон. О последнем, главным образом, и будет идти речь в дальнейшем.

Предварительно, однако, нужно припомнить кое-что из истории культа Афины в Афинах в эпоху, предшествующую созданию Периклова «Парфенона»³. При раскопках, произведенных в 80-х годах прошлого века в северной части афинского акрополя, открыты были остатки храма, который в наших источниках называется либо *ἀρχαῖος ναός* (древний храм; ссылки у Curtius—ук. соч., XXI), либо, как в надписи 485/4 г., *Ἐκατόρπυλον*, стофутный (IG, 1² 3/4=Michel, Rec. 810). Этот храм, сооружение которого относится к началу VI в., или вовсе не был посвящен Афине, или, что более вероятно, был посвящен ей и вместе с нею Эреxfею.

Во второй половине VI в., при Писистрате или при Писистратидах, древний храм, как показали раскопки, был перестроен: он снабжен был перистилем, т. е. окружавшей его колоннадой, и мраморной крышей, а также украшен новыми фронтонами из мрамора (прежние фронтоны были из пороса). Центральную сцену одного из фронтонов удалось восстано-

¹ Напротив, в Магнесии на Меандре, как видно из надписи, относящейся ко времени после 129 г. до н. э. (Syll.³, 695), храм Артемиды Левкофриены официально назывался Парфенон.

² Ссылки у Michaelis—ук. соч., 2577, и у Curtius—Die Stadtsgeschichte von Athen, XXII.

³ Подробности—в моей статье «Афина и Афины». ЗВРАО, XXVI. 1925, 268 сл.

вить из фрагментов полностью. Там представлена была Афина, поражающая гиганта. Таким образом, сюжет фронтона изображал гигантомахию, причем в ней первенствующая роль была отведена Афине. Этот факт с несомненностью указывает на то, что перестроенный, так называемый Писистратовский, храм был посвящен Афине; культу Эрехфея была, быть может, отведена лишь часть храма (см. ниже). Писистратовский храм просуществовал недолго: в 480 г. он пал жертвою персидского погрома. Дёрпфельду, на основании сохранившихся остатков, удалось восстановить план Писистратовского храма (рис. 1). Он представлял сооружение, состоявшее из четырех частей. С восточной и западной стороны были портики—пронаос и описфодом. Внутренняя часть состояла из трехнефной целлы, где стояла, очевидно, культовая статуя богини. От целлы были отделены глухой стеной два помещения, в свою очередь, также отделенные одно от другого глухой стеной; в каждое из них можно было попасть через дверь, ведущую из описфодома. Обыкновенно оба эти помещения признаются сокровищницами, где хранились приношения, сделанные Афине. Может быть, это и правильно. Но в таком случае странно все-таки, почему эти кладовые сочли нужным отделить друг от друга глухой стеной. Поэтому не исключена возможность, что одно из помещений было отведено для культа Эрехфея в силу традиции, унаследованной от древнего храма, где Афина почиталась вместе с Эрехфеем. О могущем быть назначении другого помещения скажем ниже.

При Перикле культ Эрехфея окончательно отделился от культа Афины. Для Эрехфея создан был специальный храм, Эрехфейон, Периклов же «Парфенон» был посвящен исключительно культу Афины.

План «Парфенона», *mutatis mutandis*, воспроизводит план Писистратовского храма (рис. 2). Он состоит из пронаоса, откуда вход ведет в главную часть храма, в которой стояла хрисоэлефантинная статуя работы Фидия и которая удержала прежнее название Гекатомпеды (*vεως δ' Ἑκατόμπεδος*). Глухой стеной Гекатомпед отделяется от той части храма, которая называлась Парфенон и состояла из трех частей, причем средняя, лежавшая на одной оси с тем местом Гекатомпеды, которое было предназначено для культовой статуи Афины, отделялась от боковых частей двумя колоннами с каждой стороны. Дверь в Парфенон вела из описфодома, причем эта дверь находилась как раз против средней части Парфенона¹.

Каково было назначение Парфенона? По общераспространенному мнению, он, как и описфодом, служил сокровищницей, кладовой, где хранились делаемые Афине приношения. Но последние, как показывают инвентари «Парфенона», хранились также и в Гекатомпед и в пронаосе. Если таково было назначение Парфенона, то чем объясняется его название? На этот счет высказывались различные предположения. Уссинг (*Gr. Reisen u. Studien*, 170 сл.), например, объяснял название Парфенона тем, что он был недоступен для публики. Дёрпфельд (*Ath. Mitt.*, VI, 1881, 301) высказал два предположения: 1) Парфенон получил свое название от тех предметов, посвященных Афине, которые употреблялись во время ее празднеств и которые хранились в Парфеноне; 2) Парфенону дали имя те девушки, которые играли важную роль в Панафинеийской процессии; в Парфеноне хранилась та утварь, которую девушки несли; там же ткался пеплос, несомый во время процессии (ср. *Ath. Mitt.*, XXII, 1907, 170 сл.). По мнению Фуртвенглера (*Meisterwerke der griech. Plastik*, 172 сл.), Парфенон

¹ Названия отдельных частей «Парфенона» засвидетельствованы, помимо кратких и немногочисленных литературных указаний (см. *C u r t i u s*—ук. соч., XXII), документальными данными, надписями второй половины V и начала IV в. (они сопоставлены в JG, 1², образцы их у *M i c h e l*—*Rec.*, 811—814).

предназначен был для культа дочерей Кекропа и Эрехфея. Т. Рейнак (ВСН, XXII, 1898, 499 сл.) предполагал, что в Парфеноне хор девушек пел гимны и исполнял танцы в честь Афины. Все эти объяснения не удовлетворили, однако, Юдейха (Topographie von Athen², München, 1931, 254), который высказывается так: «Мы не располагаем ни для объяснения названия Парфенона, ни для определения его первоначального назначения какой-либо точкой опоры».

В статье «Parthénon et Corès» (RA, XI, 1938, 193 сл.) недавно скончавшийся бельгийский ученый Р. Graindor, тщательно взвесив все предположения по поводу назначения Парфенона, отверг их, за исключением объяснения, предложенного Дёрпфельдом, который, по словам Грэндора, был близок к истине, ведя происхождение названия Парфенона от тех девушек афинской аристократии, которые играли важную роль в Панафинейской процессии; в Парфеноне хранился весь «аппарат, несомый в процессии; там ткался и пеплос»¹. Но, возражает Грэндор (стр. 196),

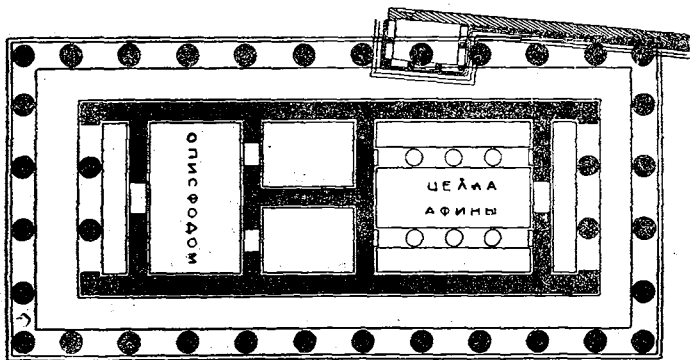

Рис. 1. План дрезнего храма Афины на афинском акрополе

«ткацкая мастерская Афины» (*textrinum Minervae*) была расположена не на акрополе, а находилась на агоре; при этом Грэндор ссылается на статью Премерштейна (*Der Parthenonfries und die Werkstatt des panathenäischen Peplos*. Oesterr. Jahreshfte, XI, 1912, 1 сл.). К этой статье мы еще вернемся, а теперь рассмотрим то предположение о назначении Парфенона, которое делает сам Грэндор. Он рассуждает так: из надписей следует, что в Парфеноне, как и в прочих частях храма, хранились сделанные Афине приношения. Храм—это «дом» божества, и, как таковой, он предполагает наличие прислуги, мужской и женской. Отправляемая ею служба—священная служба, иеродулия. В культе Афины все эти эргастины, канефоры, эррефоры, носительницы священных предметов были, вероятно, в начале служительницами Афины, набравшимися среди афинских аристократических фамилий, наподобие римских весталок. Парфенон и есть помещение, первоначально предназначенное для этих служительниц Афины, которые должны были иметь свое жилище рядом с жилищем богини. Позже этих служанок заменили, по мнению Грэндора, мраморными изваяниями, известными в археологии под именем кор. Несомненно, обычай посвящать девушек на службу Афине мало-помалу пришел в забвение, так как молодые афинянки хороших фамилий не мири-

¹ Гипотезу Дёрпфельда разделял Dümmeler—RE, II, 1954. Dorlin Sorigny—Dict. des antiquités, V, 106, в статье «Templum» кратко заявляет: «с'est dans l'opisthodomé du Parthénon, qu'était l'atelier des vierges, *παρθένων*, admises à broder le manteau d'Athéna.

лись более с тем, чтобы быть посвящаемыми богине, наподобие весталок. Быть может, обычай посвящать молодых девушек Афине восходит даже к отдаленной эпохе, когда «коры» не только посвящались, но и приносились в жертву богине войны, так что последующая иеродулия стала заменять человеческие жертвы.

Проникать, по примеру Грэндора, в столь далекое прошлое культа Афины я не рискую, считать акропольских кор иеродулиями—тем менее.

Если даже и согласиться с ним, что Парфенон ведет свое происхождение от служительниц Афины, то, во всяком случае, они в Парфеноне не жили и не могли жить, поскольку этого не допускало самое понятие греческого храма, как жилища божества. К тому же мы знаем из Павсания (I, 27, 3), что «две девушки, которых афиняне называют аррефорами, живут недалеко от храма Полиады», а не в самом храме. Хотя Парфенон и был отделен от Гекатомпеда глухой стеной, всё же он составлял одно целое с «Парфеноном» и находился с ним под одной крышей.

При попытке истолковать, какое назначение имел в «Парфеноне» Парфенон, нужно исходить прежде всего из точного определения значения нарицательного термина *παρθενών*. Тут спора быть не может. Подобно тому, как *ἀνδρῶν* значит помещение, предназначенное для мужчин, *γυναικῶν* — помещение, предназначенное для женщин, *ξενῶν* — помещение, предназначенное или для гостей или для иностранцев, так и *παρθενῶν* означает помещение, предназначенное для девушек (наша «девичья»)¹.

Если Парфенон означает помещение для девушек, то вопрос состоит в том, чтобы объяснить, чем пребывание их в «Парфеноне» было обусловлено, иными словами, для какой цели, связанной, очевидно, с культом Афины, они в Парфенон являлись хотя бы для временного в нем пребывания. Ответ на это дал уже в мимоходом брошенной заметке Дёрпфельд, и ответ, на мой взгляд, правильный. Нужно только постараться мысль Дёрпфельда обосновать.

Мы знаем, что главным праздником в Афинах, справлявшимся в честь владычицы и покровительницы Афинского государства (*Ἀθηνᾶ πολιούχος*, *Ἀθηνῶν μεδέουσα*), были, так называемые, Панафинеи². Справлялся этот

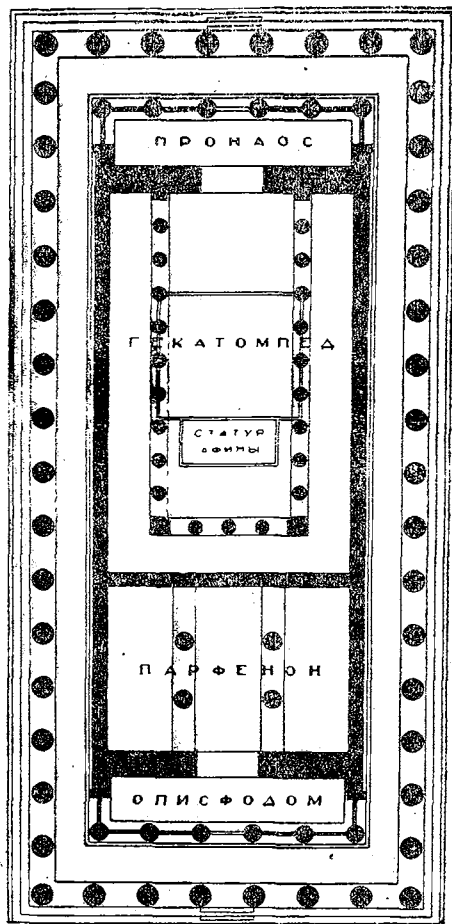

Рис. 2. План Парфенона

¹ Graindor, 210², указывает, что в раннехристианской литературе термин *παρθενῶν* прилагается к женским монастырям, что вполне последовательно, поскольку монахини не знают брака.

² Историю этого праздника и весь его церемониал см. у L. Deubner—Attische Feste, Berl., 1932, 22—35.

праздник каждые 4 года, почему он и назывался Великими Панафинеями, в отличие от Панафиней, справлявшихся каждый год и потому официально называвшихся ежегодными Панафинеями, или просто Панафинеями. Уже Аристотель (fr. 637, p. 395, Rose) связывал учреждение Великих Панафиней с именем Писистрата, и это более, чем вероятно, если припомнить, какое внимание Писистрат оказывал упрочению культа Афины в Афинах¹. Великие Панафинеи справлялись в каждый третий год олимпиады, причем главный день праздника падал на 23 число месяца Гекатомбеона (15 августа), которое считалось днем рождения Афины. В этот день происходила торжественная процессия, в которой богине приносилась роскошная одежда, пеплос². Вообще, надо полагать, церемониал празднования Панафиней, как Великих, так ежегодных, был более или менее одинаков, с тем лишь отличием, что последние справлялись менее пышно, по сравнению с Великими, когда в празднике принимало участие не только население Афин, граждане и метеки, но и, в пору существования первого афинского морского союза, делегации от входивших в его состав городов. Что касается приношения пеплоса, то, поскольку этот акт являлся самой торжественной частью всего церемониала, трудно допустить, чтобы он отсутствовал в ежегодных Панафинеях.

Пеплос изготовлялся из шерсти (Свида, πέπλος); основная ткань была фиолетового цвета (χροκόος; Еврипид—Гекаба, 466), и на ней вытканы были узоры (παρποιήλος; схол. Арист. Птицы, 826). На пеплосе, изготовляемом для Великих Панафиней, были изображены сцены из гигантомахии, причем была представлена Афина, поражающая одного из гигантов, Энкелада (схол. к «Птицам» Аристофана, 566; ср. схол. к «Гекабе» Еврипида, 468, 469, и к «Ифиг. Тавр.», 221; Прокл к «Тимею» Платона, p. 26). Из запутанной заметки схолиаста к «Государству» Платона (p. 327 a), восходящей к Проклу (M i c h a e l i s—Der Parthenon, 320, 26), можно всё же заключить, что на пеплосе ежегодных Панафиней было, между прочим, изображение борьбы афинян против мифических атлантеев. Таким образом, сюжеты вытканых на пеплосе изображений были различные для Великих и ежегодных Панафиней. Во время процессии пеплос развешивали в виде паруса на мачте модели корабля и провозили из внешнего Керамика по главным улицам и агоре до акрополя, где его

¹ См. мою ук. ст.

² D e u b n e r—ук. соч., 30, без достаточных оснований полагает, что пеплос приносился только во время празднования Великих Панафиней, т. е. раз в четыре года. Свидетельства древних говорят об ежегодном приношении пеплоса. Диодор (XX, 46,2), рассказывая о почестях, оказанных афинянами в 307 г. до н. э. Антигону и его сыну Димитрию, говорит, что было решено в числе этих почестей во время Панафиней справлять в честь Антигона и Димитрия ежегодно агоны, устраивать торжественное шествие и жертвоприношение, а также включать в сотканый пеплос Афины их (т. е. Антигона и Димитрия) изображения. Так как Димитрий прибыл в Афины в месяце Мунихионе (ср. N i e s e—Geschichte der gr. u. mak. Staaten, I, 316) 307 г., а этот год соответствует 2-му году 118-й олимпиады, Великие же Панафинеи справлялись, как указано выше, в 3-й год олимпиады, то, следовательно, у Диодора имеются в виду не Великие, а ежегодные Панафинеи. И напрасно Фишер, издатель Диодора, зачеркивает, следуя Весселингу, стоящие в конце приведенной фразы слова κατ'ἑαυτόν; Диодор хочет сказать, что афиняне стали прибавлять к рисунку, украшавшему «ежегодный» пеплос Афины, т. е. пеплос, который приносился ей в праздник Панафиней, фигуры Антигона и Димитрия, и вытканное изображение на котором, как увидим ниже, отличалось от картины на пеплосе для Великих Панафиней. Схолиаст к ст. 566 «Всадников» Аристофана определенно говорит, что «пеплос изготовляется каждый год и носим был в торжественной процессии во время Панафиней». Наконец, в начальных строках афинского декрета ок. 335/4 г. (IG, II³334 = Syll.³ 271), относящегося к празднованию ежегодных Панафиней, сказано, (чтобы) торжественное шествие справлялось в честь Афины наилучшим образом каждый год. Ежегодные Панафинеи имеются в виду и в афинском декрете в честь Филиппида 287/6 г. (Syll.³, 374; ср. А. Н. Щ у к а р е в—Исследования в области каталога афинских архивов III в. до н. э., Спб., 1889, 53 сл.)

снимали с корабля и относили в «Парфенон»: Каково было дальнейшее назначение пеплоса, неизвестно; мнения ученых на этот счет расходятся¹.

Работа над изготовлением пеплоса начиналась за девять месяцев до наступления Панафиней, во время праздника, который назывался *χαλκεία* и который справлялся в месяце Пианепсионе (октябрь—ноябрь). В последний день этого месяца (14 ноября) жрица Афины вместе с аррефорами (иначе—эррефорами), девочками 7—11-летнего возраста, посвящаемыми на служение Афине, в течение года *πέπλον διάρουνται* (Свида, *χαλκεία* II = *Etym. magn.*, 805, 43 сл.), натягивают нити на ткацкий станок и начинают ткать. Гарпократион (п. сл. *ἀρρηφορέϊν*, ср. В е к к е r—*Анеcd.*, I, 202,3; 446,18; *Etym. magn.*, 149, 19 сл.) добавляет, что из 4 аррефор,

Рис. 3. Одна из плит фриза Парфенона

избранных в народном собрании, которое руководилось при этом степенью благородного происхождения избранниц, для работы над пеплосом выбирались архонтом-царем две (ср. Свида, п. сл. *ἐπιώφατο*). Всё это указывает на то, что уже начало работы над пеплосом было обставлено определенным культовым ритуалом, представляло своего рода религиозный акт. Равным образом, и завершение работы над пеплосом также обложено было печатью культового действия. Об этом наглядно свидетельствует та плита восточного фриза «Парфенона», где находится изображение уже вытканного пеплоса, который бережно складывает жрец Афины (или, по другому толкованию, — архонт-царь) при помощи стоящего пред ним прислужника-мальчика (рис. 3). Заслуживает внимания и то место, которое было выбрано Фидием — конечно, сознательно — в общей композиции всего фриза: на восточной его стороне представлены божества, незримо взирающие на Панафинейскую процессию, причем ближайшим божеством к сцене с пеплосом является, по общепризнанному мнению, сама Афина с сидящим рядом с нею Гефестом.

¹ Бёттихер (*Tektonik der Hellenen*), мнение которого приводит Schömann — Lipsius — *Griech. Altertümer*, II, 489, предполагал, что пеплос, изготавливаемый для ежегодных Панафиней, служил одеянием древнего ксоана Афины, пеплос Великих Панафиней — завесой или стенным ковром. Deubnég, ук. соч. 30 сл., ссылаясь на изображение пеплоса на одной из плит восточного фриза «Парфенона», где пеплос представлен в виде сложенного большого четырехугольного куска материи, считает его одеждой, имевшей форму накидки или покрывала, находя подтверждение этому в свидетельстве Полидевка (VII, 50): *ὄσι μὲν ἐπιβλήμα ἐστὶ (ὁ πέπλος), τεκμήριαι τῶν τις καὶ τῷ τῆς Ἀθηνῶν πέπλου.*

Известно, что Афина, как Афина Эргана (рукодельница), считалась, по преимуществу, покровительницей ткацкого искусства; ей приписывалось его изобретение, и это имело место будто бы именно в Афинах (Bütmner—Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, 1², 104сл.). С другой стороны, приготовление шерсти и работы, с ней связанные, искони были домашней деятельностью женщин. Само собой понятно, всё это должно было найти отражение и в культе Афины, показательным примером чего является изготовление и панафинейского пеплоса. По указанию схолиаста к 467 стиху «Гекабы» Еврипида, в этом изготовлении принимали участие не только девушки (παρθέναι), но и замужние женщины (τέλειαι γυναῖκες). Все работавшие над пеплосом носили название «эргастин» (уменьшительное от Ἐργάστῃ). Сохранился афинский декрет (Syll.³, 718; полнее—Mischel—Rec., 1503), датированный 98/7 г. до н. э., в честь эргастин, где мы, между прочим, читаем: «Так как отцы девушек, обработавших шерсть для пеплоса Афине, сделав доклад совету, свидетельствуют, что девушки приняли во внимание все на этот счет постановления народа, выполнили всё, как полагается, приняли участие в торжественном шествии, согласно приказаний, наипрекраснейшим и благопристойнейшим образом, приготовили за свой счет серебряную фиалу в 100 драхм, которую и желают посвятить Афине в память об их благочестии в отношении богини...». Конец декрета не сохранился, но дошел, правда, в фрагментарном виде, список эргастин, расположенный в порядке аттических фил. Полный список имен дошел только для двух фил: для Акамантиды—11 имен, для Эгеиды—8. Если принять в расчет, что в год издания декрета в Афинах было 13 фил, и если положить, в среднем, на каждую филу 10 имен, то получится общая цифра эргастин, примерно, 120. При этом должно отметить, что в ошедших полностью частях списка эргастин одна из девушек принадлежит к фамилии Кириков, другая—к фамилии Евмолпидов, двух наиболее знатных аттических фамилий. Рассмотренный документ относится к тому времени, когда слава Афин была уже в их прошлом и, надо думать, в этом прошлом, в V и в IV веках, число эргастин, работавших над изготовлением пеплоса, было больше предположенного нами числа их в начале I в. до н. э.

Как бы то ни было, в изготовлении панафинейского пеплоса принимало участие очень значительное число ткачих, причем работа их была сложная: нужно было не только выткать ткань большего размера, но и включить в нее сложные изображения фигурного, а вероятно, также и орнаментального характера. Невольно встает вопрос: где же вся эта работа производилась? Не по кускам же эргастины ткали пеплос у себя по домам. Для работы требовалось значительное помещение, где можно было поставить большой ткацкий станок, где все участницы работы могли свободно разместиться.

На этот вопрос пробовал дать ответ Премерштейн в названной выше статье. По мнению Премерштейна, сцена с пеплосом, изображенная на фризе, происходила на афинской агоре, и изображает она тот момент, когда пеплос был вынесен из мастерской, где его ткали девушки, чтобы быть помещенным на мачте корабля. Наше предание, говорит Премерштейн (стр. 15 сл.), не дает точного ответа на вопрос, где пеплос изготовлялся и где он находился непосредственно до того, когда он включался в процессию. В архаическое время, когда акрополь фактически был полисом, пеплос, «несомненно, ткался там», т. е. на акрополе. Но по мере роста города, при новой организации Панафинейского праздника в 566 г., могла наступить и перемена. В пользу своего мнения, что мастерская для изготовления пеплоса находилась на агоре, Премерштейн приводит два свидетельства: 1) Павсания (1, 27, 3), который говорит, что две девушки

аррефоры жили не далеко (ὀὐ πόρρω) от акрополя. А другие две девушки-аррефоры, работавшие над изготовлением пеплоса, где жили?—спрашивает Премерштейн. Может быть, в нижнем городе,—отвечает он. Вполне возможно; и даже несомненно, замечу я, если речь идет о месте жительства аррефор, но не о том месте, где ткался пеплос. Вообще, из свидетельства Павсания, как *ex argumeto e silentio*, никакого вывода о «мастерской пеплоса» вывести нельзя. 2) Существеннее, но только на первый взгляд, другое свидетельство, на которое опирается Премерштейн. Он нашел его у Аполлинария Сидония, галльского поэта середины V в. н. э. (sic!), который в одной из своих эпиталам (*carmen* 15) упоминает о *textrinum Minervae*, ткацкой мастерской Афины. Эта мастерская, где ткались пышные одеяния богов, в роде панафинейского пеплоса, говорит Премерштейн, находилась в северной части нижнего города, там, где расположен был булвтерий, недалеко от алтаря 12 богов¹.

По собственному замечанию Премерштейна (стр. 26 сл.), привлеченное им стихотворение Сидония, как, впрочем, и вся его поэзия полны «риторической напыщенности и заимствованной (из других источников) учености». Сам Сидоний никогда в Греции не был. Говоря об Афинах, он упоминает о существовании в них двух больших общественных зданий: философской школы и ткацкой мастерской Минервы-Афины, причем оба эти здания называет «храмами» (стр. 36: *hic duo templa micant*). Если философскую школу можно назвать «храмом» (науки), то может ли быть это приложимо к ткацкой мастерской, хотя бы в ней и ткался пеплос для Афины? Но последующие стихи Сидония (147 сл., 179) уже решительно говорят против предположения Премерштейна. В ткацкой мастерской, по словам Сидония, правит сама богиня; здесь афинские и коринфские (sic!) девушки ткнут одежды для богов, украшенные великолепными картинами: пурпуровый плащ для Зевса, одеяние для Посидона, одежду для Геракла. Казалось бы, в первую очередь здесь Сидонию следовало упомянуть о пеплосе, а этого упоминания как раз и нет. И, мне кажется, едва ли можно сомневаться в том, что под *textrinum Minervae*, который начитанный поэт называл «храмом», он имеет в виду не что иное, как «Парфенон»².

Но тем не менее, Сидоний бессознательно был прав, когда он «Парфенон» назвал *textrinum Minervae*. Только под последним нужно понимать не «Парфенон», а Парфенон, составлявший одно целое с «Парфеноном», но, как указано выше, отделенный от святилища богини глухой стеной. Конечно, Парфенон не был жилищем эргастин; он служил ткацкой мастерской, куда они приходили ткать пеплос и тем самым справлять свою службу богине, верховной покровительнице их культовой работы. Только так, на мой взгляд, и можно понимать название, данное Парфенону—девичье помещение. Единственное возражение, которое можно предъявить такому толкованию Парфенона—и оно сделано было в свое время Т. Рейнаком (ВСН, XXXII, 1908, 499)—состоит в том, что в Парфеноне было плохое освещение: свет проникал только через дверь, ведущую из описфодома. Но 1) южное солнце—наше северное солнце, 2) работа над изготовлением пеплоса продолжалась в течение девяти месяцев после зимнего солнцестояния, когда число светлых дней шло всё *crescendo*, и в особенно темные дни работа могла и вовсе не производиться. Зато обширные размеры Парфенона как нельзя лучше были приспособлены для помещения в нем ткацкого станка внушительных размеров, за которым

¹ Другие соображения, приводимые Премерштейном, никакого существенного значения для выяснения в вопроса не имеют.

² J u d e i s h—Торogr арһіе von Athen², 460, знает статью Премерштейна, но к его гипотезе относится холодно. «В окрестностях агоры,—замечает Юдейх,—предполагают существование двух общественных зданий, но существование их нельзя еще доказать».

одновременно могло поместиться значительное число эргастин, участвовавших в работе. Наконец, и это, пожалуй, самое главное, работа над пеплосом, которую следует рассматривать, как своего рода культовое действие, протекала в ближайшем соседстве с «домом» Афины, посвященным ей храмом, где стояло и ее культовое изображение.

Насколько важное государственное значение имело изготовление пеплоса, видно из того, что в числе функций афинского совета была, между прочим, цензура исполненной работы над пеплосом; после того как проявлено было в этом деле пристрастие со стороны совета, его функции перешли к избранной по жребию комиссии гелиен (А р и с т.—Аф. пол., 49, 3). Только после этой цензуры пеплос поступал в распоряжение афлофетов, устроителей всего Панафинейского празднества (там же, 60, 1)¹.

Итак, Парфенон в «Парфеноне», точнее—средняя его часть, расположенная как раз против двери описфодома, откуда в Парфенон и проникал свет, служил тем помещением, где ткался пеплос Афины; боковые помещения Парфенона служили кладовой, где хранились приношения, сделанные богине. Сцена с пеплосом на фризе «Парфенона» происходит в Парфеноне: пеплос готов, его складывает жрец Афины, или архонт-царь, или один из афлофетов. Премерштейн правильно обращает внимание на то, что эта фигура изображена без верхней одежды, очевидно, потому, что сцена происходит в закрытом помещении и потому, что одежда в данном случае мешала бы свертыванию пеплоса. Был ли Парфенон, т. е. мастерская, где ткался пеплос, в Писистратовском храме Афины, сказать не умею. Если одно из помещений, сообщавшихся только с описфодомом, было отведено для культа Эрехфея (см. выше), то смежное с ним помещение, отделенное от него глухой стеной, могло служить Парфеноном, т. е. помещением для девушек, ткавших пеплос. Но и это предположение высказываю со всей осторожностью.

Существование Парфенона в «Парфеноне» свидетельствует о том, что изготовление пеплоса было само по себе священнодействием. Отсюда можно заключить, что мы здесь имеем дело с переоформлением древнего магического обряда, не связанного с культом богини. Уже в Ил., VI 290, 302—303, где местом действия является храм Афины в Трое и где пеплос называется работою сидонских женщин, пеплос превращается в п р и н о ш е н и е Афины. А в развитии классовом рабовладельческом обществе обряд изготовления пеплоса, совершаемый аррефорами, представительницами знатных афинских родов, связывается у греков уже с «культом их собственной национальности», их «государства» (Маркс). Панафиней с их тенденцией к превращению в панэллинский праздник, удержав древний магический обряд, дают ему новое идеологическое обоснование и толкование, но сохраняют некоторые архаические черты его.

¹ В папирусе сказано: καὶ τὸν πέπλον ποιοῦνται.. Это ποιοῦνται должно быть взято в квадратные скобки; оно возникло по ошибке, под влиянием следующих за ним слов: καὶ τοὺς ἀμφορέϊς ποιοῦνται; τὸν πέπλον зависит от предшествующего εἰσκόμοι. Премерштейн замечает: те, которые считают, что мастерская для изготовления пеплоса находилась на акрополе, должны были бы принять, что пеплос по его изготовлении до наступления праздника был уносим с акрополя и был выставлен для цензуры совета (или дикастерия) в каком-нибудь общественном здании. Это соображение Премерштейна теряет свое значение, если принять, что пеплос изготовлялся в Парфеноне, общественном здании, куда и могла явиться комиссия для его осмотра.

